

Раздел III

ИССЛЕДОВАНИЯ

Пухова Т.Ф.

Авторская песня и фольклорная традиция

Размышляя об авторской песне, о ее несомненной принадлежности к городскому фольклору, невольно задаешься вопросом: в чем природа фольклорности авторской песни? Многие исследователи так или иначе соотносят авторскую песню с фольклором (Б.А.Савченко (1), Н. Вайонен (2), Р.Шипов(3), Н.Е.Кутейникова(4) и др.). С другой стороны, нередко можно встретить и такое мнение, что, мол, надо ли вообще об этом вести речь?

Прежде чем останавливаться на данном вопросе, необходимо вспомнить характерные черты авторской песни как жанра, как особого направления поэтического и музыкального искусства. На наш взгляд, наиболее четко они прослежены Б.А.Савченко:

- авторская песня – это непрофессиональное, самодеятельное, любительское искусство, переросшее рамки самодеятельного творчества;
- перед нами именно авторская песня, так как главное в ней – это сама личность поэта – духовно богатая, интересная другим людям, с глубоким и ясным мировоззрением, со своими художественными, образными пристрастиями, со своим поэтическим лицом;
- синкретичность, триединство авторской песни: автор пишет стихи, придумывает к ним музыку и сам исполняет свое произведение. «Эта нерасторжимость, триединство слова, мелодии и песни, принадлежащее одному человеку, и является наиглавнейшим признаком авторской песни»(1, 4);
- ведущее положение слова, «доминирующее значение стихотворной основы, а не музыкальной. Что петь, а не как петь, – вот в чем суть авторского исполнения» (1, 4);
- неподдельная искренность авторской песни, доверительное отношение к слушателю. «Обязательное наличие авторского «я», четко выраженная авторская позиция – залог кратчайшего пути к сердцу каждого слушателя» (1, 5);
- самостоятельность, независимость авторской песни. Основанная на своей содержательности, она не нуждается в приглаголивании, окультуривании звучания, не выносит записи под оркестр. Именно содержательность авторской песни определила такую важную ее особенность, как напевную декламационность, являющуюся основным и самостоятельным средством воздействия на слушателя

Юрий Визбор так говорил о причинах возникновения авторской песни: «В те годы, когда я учился, ощущалась колоссальная нехватка не только качества песен, но просто самого вала песенного. Понимаете? Объема его. В то время писался, сочинялся и исполнялся очень малый объем песен. Только что кончилась военное время с замечательными, прекрасными и любимыми мной до сих пор песнями. Замечательное время, в которое работал, на мой взгляд, самый крупный поэт-песенник наш – Фатьянов. Военные песни составили большую гордость нашего песенного искусства. Это была мощная, очень эмоциональная, прекрасная волна творчества. Потом война кончилась, и в песне наступила некоторая полоса безвременья. Джаз был запрещен как таковой... Из репродуктора неслись песни, написанные для громкого голоса и духового оркестра. В этих песнях все было проверено, и они где-то были очень правильные песни. Но они не выполняли своей функции, потому что петь их не хотелось. Это, в общем-то были песни-диктаторы, песни наставники и учителя, но песен-друзей в каком-то определенном смысле этого слова практически не было. И вот образовался некий вакуум на человек-

ность песни, на ее доброту, на сердечность, и поэтому, как любой вакуум, он должен был заполниться чем-то другим» (5, 93-94). И он заполнился не менее мощной волной студенческой, туристической и геологической самодеятельной песни, созданной новым поколением городской интеллигенции.

Как отмечают многие исследователи, «интонационные истоки авторской песни, следует искать в народной песенности и русском романсе XIX века»(1, 4). И сами барды неоднократно говорят о родстве авторской песни и городского романса. Юрий Визбор в другом выступлении на концерте утверждал, что авторская песня возникла, потому что «сама атмосфера, во-первых, в нашей стране стала свободнее. И, во-вторых, потому, что официальная песня стала настолько зажавшейся, что это было просто невозможно. Поэтому как некоторый реэгаж, можно так сказать, на официальную песню и появилась такая авторская песня, которая очень близка к песне народной по своему возникновению и по своей задаче, поскольку эту песню никто не заказывает» (5, 90)

Обратимся к тем чертам авторской песни, которые, так или иначе, говорят о ее генетическом родстве с фольклором, а точнее, о принадлежности авторской песни к городскому фольклору. Ведь речь идет не о традиционном крестьянском фольклоре. На наших глазах происходит интереснейшее явление: создание новых форм фольклора – фольклора городской интеллигенции, или, как писал Юрий Андреев, «народного творчества эпохи развитой цивилизации. Не былинных времен, а той поры, когда все поголовно грамотны» (2, 61). А может быть, мы наблюдаем только процесс фольклоризации бытования авторской песни?

Авторская песня занимает обособленное положение, положение как бы «между жанрами», между разными видами искусства: поэзией и музыкой; между разными формами словесного искусства: устным народным творчеством и литературой. Этим объясняется и большой разброс мнений об этом жанре.

Например, Н.Е.Кутейникова прямо заявляет, что «фольклор – синтетический вид искусства, а бардовская песня 60-90 годов XX столетия – новый исторический жанр отечественного фольклора (4, 5). Исследователь дает точную формулировку жанра: «На наш взгляд, авторская, или бардовская песня – это изустный музыкально-поэтический жанр отечественного городского фольклора, рассчитанный на непосредственное общение слушателей с автором. Именно в этом и проявляется тот естественный тип коммуникации, который считается неотъемлемым, а иногда и главенствующим признаком фольклора» (4, 12).

Б.А.Савченко отмечает, что если признавать, что процесс фольклоризации исторически непрерывен, то можно согласиться и с утверждением, что фольклор создается и сейчас. Однако он тут же приводит прямо противоположное мнение самих бардов: «Примечательно, что и сами авторы исполнители не считают свои песни никакой новизной фольклора» (1, 5). Характерно, что такое же мнение нам довелось услышать в беседе с Владимиром Туриянским в 1999 году на Воронежском фестивале авторской песни, который тогда проходил не под Рамонью, как сейчас, а на кордоне «Пески» на берегу реки Воронеж. Конечно, здесь не шла речь о прямой связи с традиционным фольклором. Но в творчестве В.Туриянского, несомненно, есть переключки, например, с лагерным фольклором, а его стилизации под песни американских ковбоев стали поистине народными и бытуют как произведения современного городского фольклора. Например, его песня «Ковбой»:

На старой кобыле, с ослом в поводу
Я еду в Монтану, овечек веду,
Печальный с похмелья, башка как бидон,
В котором варили чертям самогон.

Но есть на востоке большая Раша,
Там жизнь удивительна и хороша.
Чего-то там сеют, чего-то куют
И джинсы в колхозе бесплатно дают.

Потерли старые джинсы на мне,
Осел мой в дерьме, и кобыла в дерьме,
У кольта веревкой подвязанный ствол,
И шляпу сожрал ненасытный осел.

В Америке что-то чего-то не то,
Стреляют в кого-то – зачем и за что?
У старого Билла недавно быка
Убили за то, что не дал молока.

Я Госдепартамент добром попрошу,
Я визу спрошу и поеду в Рашу.
Продам я кобылу, куплю пароход
И сяду-уюду на Дальний Восток.

На новой кобыле с ослом в поводу
Я еду в Хабаровск, овечек веду.
Спросите скорее про новую жизнь
Не надо, ребята, о песне тужить.

Она помещена в сборник песен «В нашу гавань заходили корабли» как безымянная, под видом «уличной», в разделе «Пропую я вам романс дурацкий». Составитель сборника Э.Успенский отмечал, что в сборник вошли «песни городских дворов и рабочих окраин, песни беспризорных, песни политзаключенных, студенческие, тюремные, военные... И поток их продолжается». (6, 4) Характерно, что бардовская песня «Ковбой», песня В.Туриянского совершенно естественно влилась в ряд песен, относящихся к городскому фольклору.

Такая же история произошла и с песней А.Городницкого «Прощание с городом», которая была написана в 1962 году в Северной Атлантике во время его первой экспедиции на паруснике «Крузенштерн».

Мне разлука с тобой знакома.
Как у времени ни проси,
Он горит у подъезда дома –
Неуютный огонь такси,
Чемодан мой несут родные,
И зеленый огонь погас.
И плывут твои мостовые
Может, нынче в последний раз.

Мне не ждать у твоих вокзалов,
Не стоять на твоих мостах.
Видно, времени было мало
Мне прижиться в этих местах.
Как приехавший, как впервые,
Отвести не могу я глаз.
И плывут твои мостовые
Может, нынче в последний раз.

Не вернуть уходящих суток
Ненадежной шумихой встреч,
Четких улиц твоих рисунок
От распада не убережь.
Восстановят ли их живые,
Вспоминая погибших нас?..
И плывут твои мостовые,
Может, нынче в последний раз. (7, 45)

На концерте в 1996 году А.Городницкий так вспоминал об этой песне: «Мне часто приходилось уезжать из Ленинграда, и каждый раз разлука с городом как-то переживалась довольно тяжело. И эта песня вернулась ко мне странным образом, когда стали подбивать бабки тому грустному фольклору, который был рожден во время афганской войны. Это очень интересные песни, очень своеобразные, очень горькие. Там очень много подражаний Высоцкому, очень много подражаний нашим всяким мэтрам, но подражание чисто внешнее. Ибо на самом деле судьба-то у них была и есть трагическая, своя собственная. И с удивлением обнаружилась там одна песня, в которой я узнал свою. Причем, когда я стал думать, что если бы я эту песню не знал и воспринимал ее как песню, написанную сегодняшними молодыми людьми, которых заставили воевать в Афганистане, то она приобрела для меня самого какой-то странный, какой-то второй смысл, о котором я никогда не думал, когда создавал песню в 62 году».

Речь идет о сборнике «Когда поют солдаты» (М., 1987), в котором песня А.Городницкого «Прощание с городом» опубликована как народная и безымянная.

Творчество бардов имеет поистине народный характер. Об этом говорит повсеместное распространение авторской песни, появление все новых и новых песен, бурная дея-

тельность КСП по всей России, республикам бывшего Союза и даже за рубежом. В книге «Наша самодеятельная песня» в 1983 году Никита Вайнонен отмечал, что «самодеятельной песне есть что предъявить. Еще лет десять назад один ее московский собиратель числил в своей коллекции что-то около 20 тысяч записей. Один. Московский... А страна огромна. А время идет. Сегодня в московской фонотеке москвичей по самым общим прикидкам в магнитофонной записи уже более ста тысяч песен. Но ведь далеко не все фиксируется, собирается» (2, 4). Конечно, не все эти песни идеальны, не все обладают способностью затронуть нашу душу и стать незабываемыми. Но ведь это вполне естественно. В той же книге Юрий Андреев писал: «Чем, собственно говоря, эти песни отличаются от лучших народных песен? Только одним. Тем, что песню народную отобрало, отшлифовало время, а здесь этот отбор еще не произведен. В какой-то степени это наша задача, задача современников – производить отбор, чтобы не компрометировать в глазах потомков наше время и не хвастаться всем подряд» (2, 60).

Вспомним важнейшие признаки фольклора (устность, коллективность, анонимность, вариативность), попытаемся выявить, насколько они применимы к авторской песне. Можно заранее сказать, что в какой-то мере они соответствуют только отдельным сторонам бардовской песни.

Например, *устный характер* авторской песни относится скорее к процессу распространения песни, передаваемой из уст в уста, от гитары к гитаре, пусть для этого и используются подчас современные средства (аудио и видеозаписи). Ведь традиционный фольклор, фольклор крестьянской Руси мы сейчас также изучаем по кассетам с записями песен.

Широкое распространение авторской песни было обеспечено во многом той свободой творчества, которой были лишены многие профессиональные авторы, так как всегда вынуждены были нести свои детища в художественные советы, редакции, на суд критиков. Как говорил писатель и публицист Леонид Жуховицкий в беседе с Адой Якушевой: «На протяжении нескольких десятилетий это был единственный бесцензурный вид искусства. Авторская песня была обращена к нам, без посредничества начальства, в то время как многие другие виды искусства адресовались начальству, минуя нас» (11, 109). Неслучайно, что одна из последних песен А.Городницкого называлась «Спасибо, что петь разрешили». Устное бытование авторской песни определило такую ее важную черту, как демократичность, прямоту высказываний, откровенность.

Авторская песня исполняется в кругу своих друзей-единомышленников. И только суд притихшей аудитории, заблестевших глаз и появившегося желания снова и снова спеть услышанную песню, «списать слова» и пустить эту песню бродить по свету определяют судьбу песни.

Самодеятельное происхождение авторской песни предполагает еще одну ее характерную особенность. Авторская песня свободна в тематике, ведь она возникла в начале 50-х годов, когда еще начинали открываться многие закрытые для официальной литературы темы, а авторская песня их давно освоила (особенно это касается темы культуры личности, репрессий, белой армии и др.) И здесь мы видим принципиальное сходство с фольклором, например в жанре частушки.

Частушка – необычайно широкий по тематике жанр – захватывает весь спектр проблем жизни человека: от сугубо личных, интимных до социальных, исторических, даже философских. Характерно, что официальный характер требовал избирательной подачи частушек: записывались и издавались преимущественно любовные частушки, а из исторических и социально-бытовых – только прославляющие существующую систему. Известны случаи, когда люди оказывались за решеткой за чересчур социально-острый анекдот или частушку. Но в народе такие частушки сочинялись и пелись все равно, так как народная форма бытования позволяла сохранить созданное. Теперь мы имеем возможность записать и издать любой материал, но сколько раз на фольклорной практике

студентов-филологов мы сталкивались с боязнью жителей пожилого возраста сообщить нам данные о себе. Следы той эпохи дают о себе знать и по сей день.

Самодетельная природа авторской песни позволяла затрагивать любую острую тему, а коллективная форма восприятия – перед друзьями, дома или в клубе – помогала передавать эту песню людям в любой момент, не дожидаясь издания или выхода пластинки.

Коллективность творчества. Какое может быть коллективное мышление в авторской песне, когда есть автор с его ярко выраженной индивидуальностью, своим подходом к миру, своим стилем исполнения, своим арсеналом языковых средств? Но что удивительно! При всей индивидуальности личности автора наибольшей популярностью пользуются песни, выражающие общее переживание, общий настрой, общее увлечение каким-то делом в тот или иной период – будь-то геологоразведочная работа, или туризм, или воспоминание о студенчестве. Именно такие песни начинают жить своей жизнью, обрастают вариантами, становятся безымянными, а когда узнается имя автора, то это не так уж и важно. Например, в сборнике туристских песен «Среди нехоженных дорог одна – моя» знаменитая песня «Глобус» дается как бы сразу в авторском и народном варианте. В начале идут две авторские строфы – поэта М.Львовского, а остальные строфы принадлежат народному творчеству.

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой, –
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой.
И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы,
Но таких еще пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету.

Знаю есть неизвестная
Широта из широт,
Где нас дружба чудесная
Непрерывно сведет.
И узнаем мы тогда, что смело
Каждый брался за большое дело,
А места, в которых мы бывали
Люди в картах мира отмечали.

Кто бывал в экспедиции,
Тот поет этот гимн,
И его по традиции
Мы считаем своим,
Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Потому что мир без песен тесен.

Знаю, знаю, где встретиться
Нам придется с тобой:
Лета кончатся месяцы –
Мы вернемся домой,
И тогда на этаже двадцатом
Мы расскажем обо всем ребятам –
О местах, в которых мы бывали
О друзьях, которых мы встречали.

Мы детей своих вырастим
В нашей дружной семье,
Мы, конечно, их выучим,
Как ходить по земле,
Чтобы шли они потом по свету,
Чтобы песню напевали эту,
Чтобы до последнего привала
В них романтика не угасала. (8, 29)

Интересно, что данный вариант «Глобуса» в этом сборнике датирован 1947 годом, а ведь известно, по мотивам этой песни потом сочинялось множество песен-переделок в разных коллективах и по разным поводам. Например, данный вариант со строчкой «и тогда на этаже двадцатом» сочинили молодые строители Московского университета на Ленинских горах (8, 427).

В авторской песне, как мы видим, воплощается коллективный образ героя или героини второй половины XX века. Это можно проследить по характерному подбору наиболее популярных и любимых песен, например, поколения шестидесятников. В воронежском городском клубе авторской песни «Парус надежды» проводился такой оп-

рос среди этой возрастной группы, причем, относящейся к среде геологов. В результате были названы следующие песни:

Бригантина. Музыка Г.Лепского, стихи П.Когана.

Барбарисовый куст. Музыка и стихи Н.Моренца.

Глобус. На музыку довоенной песни М.Светлова «За зеленым забориком», первые две строфы стихов – М. Львовского, остальные – народные.

Тайга. Музыка А.Дулова, стихи И.Жданова.

Люди идут по свету. Музыка Р. Ченборисовой, стихи И.Сидорова.

Песня геологов. Авторство музыки и стихов не установлено.

Костер. Авторство музыки и стихов не установлено.

В ритме дождя. Авторство музыки и стихов не установлено.

Домбайский вальс. Музыка и стихи Ю.Визбора.

Вот это для мужчин. Музыка и стихи Ю.Визбора.

Подмосковная зима. Музыка и стихи Ю.Визбора.

Ты у меня одна. Музыка и стихи Ю.Визбора.

Синие сугробы. Музыка и слова А.Якушевой.

Вечер бродит. Музыка и слова А.Якушевой.

Дожди. Музыка и слова В.Егорова.

А все кончается. Музыка и слова В.Канера.

Зимняя сказка. Музыка и слова С.Крылова.

Снег. Музыка и слова А.Городницкого.

Песня полярных летчиков. Музыка и слова А.Городницкого.

Деревянные города. Музыка и слова А.Городницкого.

Атланты. Музыка и слова А.Городницкого.

Я бы сказал тебе. Музыка и слова В.Вихорева.

За туманом. Музыка и слова Ю.Кукина.

Говоришь, чтоб остался я. Музыка и слова Ю.Кукина.

На далекой Амазонке. Музыка В.Берковского и М.Синельникова, стихи Киплинга в переводе С. Маршака.

Каждый выбирает для себя. Музыка В.Берковского, стихи Ю.Левитанского.

Как птицы в непогоду. Музыка и стихи В.Туриянского.

Заморозки. Музыка и стихи А.Круппа.

Дерева. Музыка и слова Е.Бачурина.

Песня о друге. Музыка и слова В.Высоцкого.

По Смоленской дороге. Музыка и слова Б.Окуджавы.

Союз друзей. Музыка и слова Б.Окуджавы.

Грузинская. Музыка и слова Б.Окуджавы.

Разумеется, каждое новое поколение имело уже свой, новый круг песен, ведь авторская песня с ее богатством содержания давала возможность постоянно пополнять репертуар. Но те первые песни, классика бардов остается любимой и исполняемой и сейчас. А разновозрастной состав любителей авторской песни, собирающихся в клубе, говорит о том, что интерес этот сохранится и в будущем. Об этом же говорил на концерте в 1996 г. А.Городницкий: «Когда Булат Шалвович, которого я очень люблю и уважаю, пишет о том, что авторские песни родились на московских кухнях и на них же и кончились, я позволяю себе не согласиться, потому что авторские песни рождались не только на московских кухнях, но и у костров экспедиций, и в тайге, тундре, и во многих других местах тоже. И не на кухнях они кончатся. Они вообще не кончатся, у меня такое представление, смею надеяться»...

Можно было бы коллективность творчества как свойство авторской песни назвать характерным явлением литературы нового времени – типизацией, умением создать ху-

дожественный образ, отразившим существенные черты определенной эпохи. Но и здесь авторская песня стоит особняком. Ведь типический образ здесь возникает в результате приобщения к коллективному восприятию произведения, отшлифовывается в ходе коллективного прослушивания (перед друзьями, дома, в походе и в клубе, и только потом – в концертном зале). Как говорил Юрий Визбор: «человек, который в первый раз написал песню и *приносит* ее в лучшем случае к своим друзьям в гости, испытывает чувства, которые ему ни разу не приходилось переживать» (5, 168).

Авторская песня стоит как бы на грани нового и традиционного. Еще раз повторимся. Она, конечно, несет в себе неповторимое авторское начало, и в то же время живет, бытует в народе по уже давно сложившимся традиционным правилам. Полюбившуюся песню, например, Визбора, Городницкого, Кукина оберегают, хранят, требуют, как можно более точного исполнения, не допуская изменений в тексте. Такую же картину мы много раз наблюдали во время фольклорных экспедиций, когда исполнители народной, традиционной обрядовой или лирической песни, много раз перебивая друг друга, добивались наиболее точного исполнения песни в соответствии с вековыми традициями.

Принцип коллективности проявляется в авторской песне как в процессе творчества, так в самом бытовании. Перед нами не просто существование группы авторов, имеющих какие-то общие художественные, эстетические установки, но в целом пишущих каждый о своем, замкнутых в своем мире фантазий. Авторская песня обладает удивительной способностью привлекать в свою орбиту все новых и новых последователей, а также и просто любителей послушать, попеть песни. Ведь бардовская песня – это не просто увлечение, но и образ жизни. Кто хоть один раз побывал на фестивале авторской песни, тот никогда не забудет непередаваемое впечатление внутреннего единства, какого-то общего духа любви к песне, объединяющего сотни и тысячи людей, собравшихся вместе на несколько дней на берегу реки побыть, пожить вместе с песней.

Бардовская песня зарождалась как туристская, геологическая, молодежная. Поэтому фестивали авторской песни проходят именно в такой обстановке – у костра, наедине с природой и в то же время рядом с друзьями-единомышленниками. Все это говорит о наличии некоего общего коллективного представления об авторской песне, которое хочет того автор или нет, но диктует свои правила, заставляет его творить в рамках определенных требований жанра.

То же самое мы имеем в принципе и в фольклоре. Народная песня выростала в мире русской деревни или в мире городской окраины; жизнь села или города давала свои темы, и песня не просто жила, а развивалась в процессе исполнения разными людьми, пока не приобретала общий законченный вид. Так и бард творит свои песни, учитывая то общее представление о бардовской песне, которое существует в среде ее создателей и почитателей. Неслучайно любители бардовской песни подчеркивают: «наша бардовская песня», говорят о ней как о чем-то едином, слитом, общем. Бард, разумеется, яркая личность, но он всегда так или иначе связан с движением. Все это указывает на особый характер авторской песни, во многом отличающийся от классической литературы.

Анонимность. Это свойство фольклора, казалось, вовсе не соотносимо с авторской песней, ведь ее создатели хорошо известны. Как отмечал Б.Савченко: «В наш век развитой системы коммуникаций вряд ли можно рассчитывать на какую-то анонимность и устность. Многие первые бардовские песни и до сих пор не имеют авторства, так как «магнитиздата», как говорил Юлий Ким, в то время еще не существовало. В послесловии к сборнику туристских песен «Среди нехоженных дорог одна – моя» было отмечено: «Песни 50-х годов, авторство которых (полностью или частично) до сих пор не установлено в основном, записывались на магнитофон в исполнении Е.Приданцевой, помнящей, как их пели в то время» (8, 431).

Некоторые песни известных бардов отрывались от своего создателя и начинали свою жизнь в народе. Так было с песнями Ю.Визбора, А.Городницкого, Ю.Кима. «Известен случай, когда Александр Городницкий чуть не «пострадал» за то, что, выступая где-то на Севере, пытался «присвоить» авторство принадлежащей ему песни, считавшейся в том краю местным фольклором» (1, 5). Речь идет о песне «Материк», о которой сам А.Городницкий писал, что «написана песня как стилизация песен зеков. Блатные песни я не любил и не люблю, ибо я против романтизации блатного мира в принципе. Не случайно блатари всегда были у лагерной охраны за понятыми и палачей для политических заключенных. А вот что касается лагерных песен, то к ним я отношусь очень серьезно и считаю их предметом серьезного исследования для историков и литературоведов» (7, 602).

От злой тоски не матерись
Сегодня ты без спирта пьян:
На материк, на материк
Идет последний караван.

Здесь невеселые года,
Здесь дышат горы горячо,
А память давняя легла
Зеленой тушью на плечо.

Опять пурга, опять зима
Придет, метелями звеня.
Уйти в бега, сойти с ума
Теперь уж поздно для меня.

Я до весны, до корабля
Не доживу когда-нибудь.
Не пухом будет мне земля,
А камнем ляжет мне на грудь.

От злой тоски не матерись, –
Сегодня ты без спирта пьян:
На материк, на материк
Ушел последний караван. (7, 42-43)

Когда Ю. Визбору во время концерта пришла записка: «Ходит легенда, что народную туристскую песню «Мама, я хочу домой...» тоже написали вы. Так ли это?», – он ответил: «Дело в том, что народную туристскую песню «Мама, я хочу домой...» написали два автора. Миша Левин из города Челябинска и я, который, значит, ее исключительно искалечил. Ну, в общем, я дописал ее». (5, 156-157)

Снова нас ведут куда-то
И не ясен нам маршрут,
Видно горы виноваты:
Не сидим не там, ни тут.
Снова в горы, и по тропам
С рюкзаками за спиной.
Груз по силам лишь циклопам,
«Мама, я хочу домой!»
Груз по силам лишь циклопам,
«Мама, я хочу домой!»

Склоны круче, ближе тучи,
Камни сыпятся гурьбой.
На пожарный все же случай
Мы связались меж собой.
Мы идем по ледопаду,
Где, представьте, путь такой:
Хочешь стой, а хочешь – падай,
«Мама, я хочу домой!»
Не хочу я что-то падать,
«Мама, я хочу домой!»

Дома все же как-то лучше.
Ну, а здесь придется нам
Целый день бродить по кручам
По ужасным ледникам.
Надо ползать постоянно
По веревке основной
И питаться кашей манной,
«Мама, я хочу домой!»
Не хочу я каши манной:
«Мама, я хочу домой!»

Снова нас ведут куда-то,
Снова я несу рюкзак.
До чего же мне, ребята,
Надоело жить вот так.
Телеграмма уж готова,
Ни одной в не запятой.
В ней всего четыре слова:
«Мама, я хочу домой!»
В ней всего четыре слова:
«Мама, я хочу домой!»

Эта веселая туристская песенка была в 60-е годы необычайно популярна, она породила много различных песен–переделок.

Так же стала анонимной и песня Юлия Кима «Губы окаянные». Актер, выступавший «однажды в «Кинопанораме», заявил, что исполнит русскую народную песню «Губы окаянные». В результате чего автор этой песни Юлий Ким, отвечая после передачи на телефонные звонки, с присущим ему юмором острил: «Русский народ у телефона» (1, 5).

Губы окаянные,
Думы потаенные,
Бестолковая любовь,
Головка забубенная.

Все вы, губы, помните,
Все вы, думы, знаете.
До чего ж вы мое сердце
Этим огорчаете!

Позову я голубя,
Позову я сизого,
Пошлю дролечке письмо,
И мы начнем все сызнава. (9, 381)

Б.Савченко тут же замечает, что эти случаи можно отнести лишь к категории казусов. Действительно ли это так? Если подходить к описываемому явлению с точки зрения фольклора, то все вполне естественно укладывается в рамки традиционного бытования фольклорных произведений, ведь такие произведения и должны восприниматься как безымянные и народные. Об этом же явлении говорил руководитель воронежского городского КСП Анатолий Глыбин, вспоминая свое первое знакомство с авторской песней в городском клубе туристов: «там я и услышал впервые авторскую песню, вернее, туристическую песню, как ее в то время называли. Пели в походах у костров, абсолютно не зная авторов песен».

Вариативность. Эта важнейшая черта фольклорных произведений присуща и авторской песне. Мы уже упоминали ее, говоря об устном и коллективном характере песен «Глобус», «Мама, я хочу домой...». Массовое распространение авторской песни, исполнение этих песен в различных аудиториях, по разному поводу приводило к тому, что тексты любимых песен получали свои продолжения, связанные уже с жизненным опытом конкретного исполнителя.

Например, воронежские знатоки первых авторских песен, вспомнили одну песню 50-х годов, которая в сборнике «Среди нехоженных дорог одна – моя» названа «Песня геологов» (автор музыки и стихов этой песни неизвестен). Опубликованный текст такой:

Закури, дорогой, закури...
Может, завтра с восходом зари
Ты уйдешь по тайге опять
Молибдена руду искать.

Будешь жить от людей вдалеке,
Месяцами бродить по тайге...
Сквозь палящее солнце, сквозь зной
Пролегал твой путь трудовой.

Пред тобой, дорогой, путь далек –
Много дальних и трудных дорог.
Но я знаю – ты все пройдешь
И, что ищешь, всегда найдешь.

У берез пожелтела листва,
А к утру замерзает вода –
Значит время пришло опять
Нам с тобою домой уезжать.

Закури, дорогой, закури...
Может, завтра с восходом зари
Ты уйдешь по тайге опять
К перевалу тропу искать.

Воронежские геологи вспомнили другой вариант этой песни, где в третьем куплете были такие слова:

По горам будешь ползать весь день,
По болотам бродить, как олень.
Ночью в лагерь усталый придешь,
Если шею себе не свернешь.

Интересно, что по мотивам и на мелодию этой «Песни геологов» Юрий Визбор написал свою песню, относящуюся ко времени его службы в армии связистом. Начинаясь она так:

Закури, дорогой, закури.	Или в сумерках в наш батальон
Может, завтра с восходом зари	Зазвонит полевой телефон,
Ты на линию выйдешь опять,	И прикажет зеленая нить:
Повреждение где-то искать.	Связи нет, отправляйтесь чинить. (10, 50)

Знают в воронежском клубе-студии «Парус» и одну из первых авторских песен – песню времен войны (1943) – «Баксанская». Первые два куплета совпадают с опубликованным текстом.

Где снега тропинки заметают,
Где лавины грозные шумят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд.
Нам в боях родными стали горы,
Не страшны бураны и пурга,
Дан приказ: недолги были сборы
На разведку в логово врага.

Припев: Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней.

На костре в дыму трещали ветки,
В котелке дымился крепкий чай;
Ты пришел усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.
Синими замерзшими руками
Протирал вспотевший автомат
И о чем-то думал временами,
Головой откинувшись назад.

Припев: Помнишь, товарищ, вой ночной пурги,
Помнишь, как бежали в панике враги,
Как загрохотал твой грозный автомат,
Помнишь, как вернулись мы с тобой в отряд. (8, 23)

Песня пелась на мотив довоенного танго Б.Терентьева «Пусть дни проходят», стихи А.Грязнова, Л.Коротаевой, Н.Персиянинова.

Вот как рассказывается в сборнике «Среди нехоженных дорог одна – моя»: «В середине войны фашисты терпели поражения на многих фронтах и потому затеяли пропагандистскую акцию. Группа горных асов из дивизии «Эдельвейс» совершила с перевала Хотю-Тау восхождение на Эльбрус и укрепила на его вершинах флаги со свастикой. Перед нашими бойцами была поставлена задача «сбросить флаги врага и установить советские» С ней успешно справились воины-альпинисты отрядов под командованием Н.Гусака и А.Гусева.

За несколько дней до проведения боевой операции вышли на разведку лейтенанты Любовь Коротаева и Андрей Грязнов. На гребне хребта между Малым Когутаем и Донгуз-Оруном они оставили под каменным туром разряженную гранату с запиской: «В дни, когда враг побежал под ударами Красной Армии, мы поднялись сюда без веревок и палаток, в шубах и валенках, по суровым склонам Донгуз-Оруна, чтобы указать путь наступающим бойцам...»

Когда вернулись в отряд, неожиданно сложилась песня. Она начиналась со слов: «Помнишь гранату и записку в ней...» Дальше что-то придумали сами разведчики, что-то добавил подключившийся к ним Н.Персиянинов. К вечеру новую песню знал весь отряд, а пели ее на мотив припомнившегося довоенного танго» (8, 19-20).

Знарок и исполнитель авторской песни воронежского клуба «Парус» Виктор Гунькин рассказал, что ему известно ее продолжение – еще один куплет с припевом:

Там воют ветры, бродят шквалы,
И вершины горные в снегу.
Мы с тобой закрыли перевалы
И ни пяди не дали врагу.
День придет. Решительным ударом
В бой народ пойдет в последний раз.
И тогда ты скажешь, что не даром
Мы сражались насмерть за Кавказ.

Припев: Время былое пролетит, как дым,
В памяти разведки – прошлого следы.
Но не забыть нам этих трудных дней.
Вечно сохраним их в памяти своей.
Шуткам ведь не учат в наших лагерях,
Если ж вам придется побывать в горах,
Кости на Бассе, могилы под Ужбой
Вспомни, товарищ, вспомни, дорогой.

Важно, что песню, созданную прямо по следам событий Великой Отечественной войны, помнят и хранят любители авторской песни в Воронеже.

Как и везде, любят в городском КСП «Парус» песню Ады Якушевой «Вечер бродит»:

Вечер бродит по лесным дорожкам.	Вслед за песней позовут ребята
Ты ведь, вроде, любишь вечера.	В неизвестные еще края,
Подожди пока еще немножко,	И тогда над крыльями заката
Посидим с товарищами у костра.	Вспыхнет яркой звездочкой мечта моя.
Вижу целый мир в глазах тревожных	Вечер бродит по лесным дорожкам.
В этот час на берегу крутом...	Ты ведь вроде любишь вечера.
Не смотри ты так неосторожно –	Подожди тогда еще немножко,
Я могу подумать что-нибудь не то.	Посидим с товарищами у костра(11, 34).

Но поют ее в клубе немного по-другому, добавляя еще один куплет к основному тексту (такой вариант песни записан со слов Веры Родионовой в клубе «Парус»):

Знаю, будут и другие встречи,
Год за годом пролетят года,
Но вот этот тихий теплый вечер
Мы с тобою не забудем никогда.

Мы подробно рассмотрели сходства и различия особенностей фольклора и авторской песни и пришли к выводу, что такие важнейшие свойства фольклора, как устный характер бытования, анонимность, коллективность, вариативность в той или иной степени присущи и авторской песне.

Наш анализ был бы неполным, если бы мы не коснулись вопроса о жанровом своеобразии народного городского романса и авторской песни, особенностей их тематики. Как видно из приводимых выше высказываний самих бардов и исследователей их творчества, именно этот жанр народной лирики наиболее тесно связан с авторской песней.

Когда мы знакомимся сейчас с «мещанскими» романсами, мы сразу обращаем внимание на различие и в то же время близость в тематике народного романса и авторской

песни. Надо учитывать, что эти произведения по времени создания разделены почти целым веком. Если «мещанский романс» сочинялся в городской слободе в конце XIX или начале XX века, то авторская песня, возникшая в начале 50-х годов XX века, отразила всю панораму интересов молодежи послевоенного и последующих поколений. Поколения, покоряющего горные вершины и подводные глубины, открывающего новые месторождения и новые технологии. Но главное, песни зачинателей этого жанра, да и многих бардов более позднего времени полны романтики, светлой веры в будущее, веры в человека – труженика и мечтателя. Помните, как у Визбора:

Ни мартовские льды,
Ни вечная жара,
Ни обелиски над звездой жестяной
Не оборвут следы
К пылающим кострам,
К непройденным вершинам безымянным. (1962)

И при этом почти каждая бардовская песня – глубокое лирическое переживание, зачастую о любви. О любви сложной, противоречивой, но всегда предполагающей взаимопонимание и душевную близость, не требующую громких слов и признаний.

Не пытай меня ни ласкою, ни жалостью –
Как ни странно, я о прошлом не грущу.
Если можешь, ты прости меня, пожалуйста, –
Вдруг и я тебя когда-нибудь прощу.

Синий дым плывет над нами мягкой вечностью.
Чиркнет спичка – сигарета вспыхнет вновь.
За окном с зонтами бродит человечество,
Обокраденное нами на любовь. (1975)

Напевность, душевность, лиричность – все это роднит произведения, созданные в совершенно разные эпохи – в XIX и XX веках. В сборнике приводятся около сорока наиболее распространенных народных так называемых «жестоких» романсов, которые были записаны в Воронежской области, начиная с 1960 по 1999 год. Надо сразу отметить, что записи велись в селах и районных центрах Воронежской области, так что перед нами городской романс, пришедший в эти края вместе с людьми, на время уезжавшими из родных мест в город. Народный городской романс сразу же прижился в русской деревне и вскоре приобрел большую популярность. Сейчас он является одним из немногих «живых» жанров русского фольклора, который с большой охотой, любовью, даже со страстью исполняют жители сел и городов.

О чем же поется в народном городском романсе? Конечно же, о любви. И в первую очередь, о несчастной любви, об измене и разлуке. Порой в тексте вы столкнетесь с неправильными оборотами речи, с ошибками стиля. Но сила чувства, чистосердечие, и главное, открытое выражение сочувствия разбитого горем сердцу примиряют вас с «жестоким» романсом.

Именно такие чувства показаны в романсе «Сажусь за стол, беру я карты»:

Сажусь за стол, беру я карты,
Сама себя я веселю.
А что на картах вспоминаю,
Что милый друг забыл меня.

Забыл, забыл он, позабросил,
Оставил девушку страдать.
Куда ж мне, девушке, деваться,
Куда мне скрыть свои глаза.

В жестоком романсе бушуют сильные страсти, здесь нет полутонов. Так, например, и в этом романсе не в силах выдержать страдание, девушка решает утопиться. Как и положено, в мелодраме, ее решение сопровождается развернутой сентенцией – объяснением причин своего поступка, моральным поучением.

«Прощайте, глазки голубые,
Прощая, залетка дорогой.
Не вспоминай, что раньше было,
Не называй меня своей».

С женщиной рядом не садися,
Мужчину бойся, как огня.
Мужчина любит и разлюбит,
Осталась девушка страдать.

Сюжеты об измене возлюбленного или возлюбленной необычайно разнообразны в жестоком романсе. Например, довольно распространенным вариантом сюжета об измене было описание встречи после долгой разлуки девушки и ее возлюбленного, идущего вместе с молодой женой:

Что ж ты, ворон, кричишь,
Все кричишь и кричишь,
Предвещая не свадьбу, а муку.
Он пришел не один,
На руках его сын,
А жена ведет дочку под руку.

Пой, гитара, звени,
Расскажи о любви,
Расскажи, как они повстречались,
Как ее он любил,
А потом разлюбил,
Как девчонка с собою кончала.

Сильные чувства, переполняющие душу героев, тут же переходят в действия. От несчастной любви бросаются под поезд, под нож, топятя в море, принимают отраву, стреляются из револьвера. А сколько горечи в сетованиях и проклятиях!

Не смейся, злой мучитель,
Не смейся надо мной,
Тебя господь накажет
Несчастною судьбой.

Несчастною судьбой,
Ревнивою женой,
С гордым сердцем,
Коварною душой.

Но не только горе бедной покинутой девушки описывается в мещанских романсах. Несчастливая любовь «мальчишки», «пилота», «летчика-карелофинца» и др. также встречается в текстах романсов, но гораздо реже. Погибшая молодая жизнь показывается как увянувший до срока цветок. Именно так переживает неожиданную кончину любимой мальчишка – «слесарь, рабочий простой»:

Но случилась беда, приключилась,
Под машину попала она.
Пролетарская жизнь обломилась,
Знать, судьба ей такая была.

Прибежал мальчик, бросился
На душистый завянутый цветок.
Целовал ее губки алые,
Целовал ее красный платок.

Необычайно волнующи и «жестокие» романсы, посвященные отношениям в семье. Измена жены мужу, убийство в угоду любовнику ребенка описываются с ужасающими подробностями, вызывающими ненависть и отвращение к убийцам.

Итак, на фоне различных исторических событий (русско-японской и первой мировой войн, революции, индустриализации и развития авиации, финской войны и др.) в городском народном романсе разворачиваются такие личные драмы, которые, казалось бы, затмевают все окружающие события и ставят превыше всего такие чувства, как любовь и ненависть, счастье и горе, радость и страдание.

По сравнению с народным городским романсом тематика песен воронежских бардов гораздо разнообразнее. Это понятно, ведь тексты авторской песни – это поэтические тексты конца XX века, впитавшие в себя все созданное русской поэзией XX века. В них слышатся ритмы Цветаевой и Есенина, Пастернака и Заболоцкого, Маяковского и Светлова, Твардовского, Симонова и многих других. И это вполне естественно. Ведь авторы самодельной песни – не просто образованные люди, а много читающие, интересующиеся литературой, новинками поэзии. Не случайно на заседаниях клубастудии «Парус» часто приглашаются поэты.

Песни воронежских бардов – это песни конца бурного XX века, в них также по-своему отразилась наша сложная эпоха. Сильнее выражена социальная тема, тема Рос-

сии, ее судьбы. Примером тому являются прочувствованные слова из песни Василия Князева, барда из села Оськина Хохольского района Воронежской области:

Сторона, ты моя сторонushка, Тихий свет голубых небес. Все суровая, злая волюшка, Да висит тишина окрест. Легче согнуть, родиться надо ли, Не услышат, хоть плачь, хоть вой. Лишь поэта ты можешь радовать Этой дикой своей красотой.	Нам не просто бывать здесь трезвыми: Что за радость, одна маета. Лишь грызут нас тоска с болезнями, Да крадется вослед нищета. Но Господь окрестил нас русскими, Мы сильны своей верой в жизнь. Когда кончатся песни грустные, Значит, пой и пляши, веселись!
--	--

Заботой и болью за родную землю проникнуты и песни Л.Солод, обратившей свой взор на другие драматические события истории нашей страны – эпоху революции и гражданской войны. Ее «Плачь славянки» восходит к древним традициям русских народных причитаний и плачей.

Русской земли – правды обители,
Не сберегли, все же обидели!

Воспел свой край, родное его сердцу донское казачество и его боевые доблести А.Ефремов:

Кто заверит? Кто поверит?
Кто судьбу свою доверит?
Люд простой всегда на Доне
Не судьба ломала.
Были версты, чёрны бури,
Сабли остры, дуры пули.
Красны звезды не минули,
Да и крестов немало.

В его ритмичных, четких стихах слышится перестук копыт казачьей конницы. Песня А.Ефремова переносит нас в мир казачьей станицы, где казачки провожают на войну своих мужей и сыновей, где «великий и усталый» Дон несет свои воды, а на его берегах «щебечут птицы и играют кони».

Есть среди песен воронежских бардов и песня о родном городе. С.Гребенников, вспоминая историю Воронежского края, образы Петра, Кольцова, Платонова, с гордостью повторяет:

Посмотрите на воронежские улицы, Как их разукрасил листопад. Это осень желтым танцем кружится И ложится, как бродяга, спать.	От Платонова до Пушкина пройду, Разрезая городскую суету. По Большой Дворянской, жаль – один, Я иду, как новый дворянин.
---	---

Вот, пожалуй, и все песни на социальные, исторические темы. Основная масса песен воронежских бардов являются песнями-размышлениями на сугубо личные темы, что наиболее и принято в авторской песне. Даже единственная туристическая песня «Звездочка» А. Демиденко, в прошлом – геолога по профессии, и та – о любви, о прощании с любимой, о тоске по ней:

Звездочка искоркой, строчкой желанья гаснет в ночи.
Тают мгновения в миг расставания, что ж ты молчишь?
Помнишь, наверное, сосны янтарные, склоны Хибин,
Белые сопки, отроги коварные в сходах лавин.

Песни-раздумья посвящены самому разному: любви со всей её сложностью, теме взаимоотношений человека и природы, философским раздумьям о свободе духа, о му-

зыка, и вообще, о гармонии в жизни. Среди песен воронежских авторов есть даже пиратская песня, которая, как говорил Ю.Визбор, встречается у каждого барда. Это шуточная песня П.Халтурина из г. Павловск о пирате Гарри:

Аты-баты, мы пираты!	Аты-баты, поскорее
Деревянные фрегаты	Вздернуть недругов на рее:
Золото вывозят за моря.	Мы так любим абардажный бой.
Если мы об этом знаем,	Против нас стоит эскадра,
То немедля поднимаем	И весь день летают ядра
В наших бухтах наши якоря.	Чайками над нашей головой.

И все же главное в песнях воронежских бардов – задушевность, лиричность. Л.Титовой из г. Лиски в песне «Ночной разговор» удалось найти те слова, которые выражают общее состояние души самого поэта. И самый верный, надежный друг – гитара. Ей поверяют душу, и она, «гитара-заступница», поможет в трудную минуту:

Мы будем сидеть без сна,
Мы песню придумаем.
У нас на двоих одна
Душа шестиструнная.

Если в народном городском романсе сильнейшие чувства героев выражаются прямо, если там не просто рассказывают о своем горе, а вызывают к состраданию, порой кричат от боли, то переживания современного человека выражаются куда сложнее. Не менее сильные чувства порой уходят в себя, герой пытается их скрыть, утаить, но все равно они выдают себя. Зачастую помогает ему выразить себя природа. Неслучайно во многих песнях воронежских бардов есть обращение к природным зарисовкам, они помогают открыть самое сокровенное, самое важное.

Например, в песне А.Букреева «Свернем к весне» мысль о необходимости взаимопонимания, о счастье общения с другом, понимающим тебя без слов, помогает выразить образ весны.

В какой-то день дождливый, непогожий
Свернем к весне и будем впереди.
Не проходи, мы так с тобой похожи,
Не проходи, не проходи.

В песне Л.Дьяковой «Вторая молодость» природная зарисовка близка по своей функции к такому важному приему фольклора, как психологический параллелизм: смена времен года и смена состояний души человека удивительно созвучны.

То гололед, то дождь, то листопад,
Реке привычна временная скованность,
А то, что сердце бьется невпопад,
Так это, друг, вторая молодость.

А в песне трио «Песочные часы» чувство тревоги и непогоды в душе переданы картиной дождя, образом «капель – слез».

Как уйти мне от дождя?	...Как уйти мне от себя?
Все забыть, не так ли?	Ах, какая проза...
По бульжнику звеня,	Только в городе дождей
Рассыпались капли.	Нету мне покоя.

В песне «Я пишу» (дуэт «Старое-доброе») показывается, какое успокоение, душевное равновесие вносит первый снег в души влюбленных, как он становится символом их любви.

Дни прошли, а может быть, года,
Только вновь нас убаюкал снег.
Взявшись за руки, в грядущий век.
Вместе нам и горе – не беда.

Особая поэтичность присуща песням воронежских бардов, в которых оживают картины любимого для поэтов времени года – осени. Мы это видим и в песне П.Халтурина:

Это осень, это осень,
Парусов небесных просинь,
Ненадежных парусов.
Осень нам опять не верит
И свои цветные двери
Запирает на засов.

А в песнях Д.Фисунова образ осени становится лейтмотивом. Автору удалось изящно и легко и в то же время с удивительной точностью передать красоту начала увядания природы.

Спас медовый отшумел, гулким звоном
Опустилась тишина на дно дворов,
Тонет в розовых лучах сонный город
И плывет в дыму костров.

В другой песне Д.Фисунова, профессионального художника, создается иной образ осени: тожественной, победной, царственной. Осень – «некоронованная императрица», смотрящая с укоризной на человека с его слабостями.

А сама все сорит золотой казной,
Расточительна и пьяна,
Осень, осень, ты моя императрица,
Только взгляд такой – не с добра.

Постоянное обращение к картинам природы в авторской песне естественно. Ведь это общее свойство русской песни вообще, как фольклорной, так и литературной. Традиционная лирическая песня всегда начиналась с приема психологического параллелизма, со сравнения природных образов (сада, яблоньки, цветочка лазоревого, солнца, звезд и туч, сокола и лебедушки и т.п.) с образами героев, определенного состояния природы и соответствующего настроения в душе героя. Так и в авторской песне герой немислим без природы и обращения к ней, разумеется, в иной форме, чем в фольклоре.

Итак, мы видим, что общность идейно-тематического и художественного своеобразия народного городского романса и авторской песни существует, но существует лишь в самых общих чертах. Вероятно, более ярко эта связь будет выражена в наследовании музыкальной традиции городского романса авторской песней. Но эта сторона вопроса заслуживает специального исследования. Другое дело, *бытование* бардовской песни, ее жизнь в народе. Именно в этом аспекте, на наш взгляд, наибольшие точки соприкосновения народного романса и авторской песни.

Авторская песня как жанр складывается у нас на глазах. Нам известны имена авторов, мы читаем о них книги, видим по телевизору концерты бардов. Но сама песня, оторвавшись от своего создателя, начинает жить по своим законам. И порой эти законы очень близки к уже давно сложившимся в русском фольклоре.

1. Савченко Б.А. Авторская песня. – М., 1987.
2. Андреев Ю.А., Вайнонен Н.В. Наша самодеятельная песня. – М., 1983.
3. Наполним музыкой сердца. Антология авторской песни. Песенник. Составитель Р. Шипов. – М., 1989.

4. Бардовская песня: Комментированный сборник песен современных авторов / Автор-составитель Н.Е.Кутейникова – М., 1993.
5. Юрий Визбор. Монологи со сцены. / Лит. запись О.Л.Терентьева. – М., 2000.
6. Песни. В нашу гавань заходили корабли. – М., 1995.
7. Городницкий А.М. Сочинения. / Сост. А.Костромин. – М., 2000.
8. Среди нехоженных дорог одна – моя. Сборник туристских песен. //Сост. Л.П.Беленький – М. 1989.
9. Люди идут по свету: Книга-концерт / Сост. Беленький Л.П. и др. – М., 1989.
10. Визбор Ю.И. Сочинения. В 2-х т. Т.1: Стихотворения и песни. // Сост.Р.Шипов. – М., 1999.
11. Якушева А.А. Песня – любовь моя / Сост. Р.Шипов. – М., 2001.